

Иннокентий Соколов

Мир в ее сердце

Июль 1975.

- Иисус любит нас – Дэннис вскинул руки, приветствуя солнце, что стояло над горизонтом, где-то в конце пути.

Шелли Брукс улыбнулась краем губ. Она не сводила глаз с дороги, как ее учили на курсах. Одно неверное движение, крошка и твою задницу будут выскребать по частям – частенько повторял инструктор, сидя рядом, и Шелли послушно замирала, сжимая руль пухлыми пальцами.

- Он любит нас, детка!

Дэннис тряхнул головой, отчего кончики длинных волос взметнулись, обдав Шелли запахом шампуня.

Дорога пошла вверх. Справа, насколько хватало взгляда, зеленели сосны, слева, за узкой серой полосой асфальта бесконечный обрыв, стоит только поддаться чуть слышимому зову, и «Порш» взлетит в голубеющую высь, маленькой юркой птицей, чтобы воспарить над бездонной равниной там, где солнце встречает равнодушные мили дороги, освещая путь, которому нет конца.

Она выжала акселератор, и «Порш» рванул вперед. Дэннис потянулся к бутылке, которую все это время сжимал бедрами. Она уместилась у него между ног, словно огромный стеклянный фаллос – подумала Шелли, но вслух ничего такого не сказала. Если быть неосторожной и затронуть эту тему сейчас, чего доброго Дэннис обидится и будет пялиться в окно, вместо того, чтобы пожирать взглядом ее коленки.

По правде, говоря, Шелли немного устала от дороги. Позади остались долгие мили – они пересекли дюжину штатов, добираясь сюда, но даже эта усталость не могла вселять тревогу. Днем они мчали как умалишенные, и Дэннис привставал с сиденья, подставляя ветру лицо. Ночевали они в дешевых мотелях, и парень старался, как мог, делая ее счастливее.

Шелли подобрала его Трентоне, по дороге в Филадельфию. Роджер, ее муж, даже в страшном сне не мог представить, как далеко заберется неугомонная женушка.

Всю дорогу до Балтимора, Дэннис молчал, привыкая к роскоши салона, и когда Шелли решила, что из этой затеи не выйдет ни черта, сильная рука легла на ее коленку. В первом же попавшемся мотеле, миссис Брукс слетела с катушек, пускай и не готова была признаться, что без ума от этого парня. По сравнению с Дэннисом, ее благоверный казался полным ничтожеством – несмотря на свои неполные девятнадцать парень знал, что и как.

Тебя что-то волнует милая, и это что-то сидит внутри тебя. Смотри вперед, не думай о плохом. Парень в твоей машине не разбрасывается по мелочам, и всю дорогу слушает радио. Вот уж кому не до глупых терзаний – бери пример, детка.

Словно подслушав ее мысли, Дэннис включил приемник.

Сосны отступили от дороги, сменившись огромной каменной стеной. Горы. Шелли вела машину, все больше наполняясь тревогой, в отличие от Дэнниса. Парень крутил ручки настройки, время от времени потягивая из бутылки.

Дорога стала вилять, изгибаться. «Порш» натужно взревел, и рванул вперед, подчиняясь желаниям Шелли. И когда автомобиль достиг вершины, Шелли поняла, наконец, что не дает ей покоя. Мысли в голове – все это полная ерунда, милая; парень, что сидит справа – вот настоящая причина тревоги.

Все пошло не так, как задумывалось вначале. Невинная прогулка по дорогам штата, привела на другой конец страны. И случайный попутчик оказался вовсе не

случайным событием в ее судьбе, как бы это не отдавало дешевой пошлятиной. Но все стало несущественным, когда «Порш» вырвался на самый верх, и впереди раскрылась бездонная плоскость долины. Даже Дэннис оставил безнадежные попытки поймать местную рок-станцию и устался вперед.

Мир оказался брошен к колесам автомобиля, и он был неправдоподобно прекрасен. Прозрачный воздух заполнил долину. Шелли рассмотрела спускающееся шоссе, оно уходило вниз серой лентой асфальта, прижимаясь к горе. Чуть дальше верхушки сосен редели, и можно было увидеть квадратный газон. Немного переведя взгляд, она увидела главное – отель «Оверлук».

Место, в котором найдется номер для них с Дэннисом. И быть может, там она сумеет решить, как жить дальше.

- Здесь решаются судьбы... - нераздельно пробормотал Дэннис и затих.

- Что? – Не расслышала Шелли.

Дэннис не ответил. И молчал всю дорогу, до тех пор, пока они не подъехали к стоянке отеля.

Отель не понравился Шелли Брукс. Вернее не так – сначала она была без ума от него. С той самой минуты, когда, покинув стоянку, направилась к парадному входу. Толкнув дверь, она вошла в вестибюль.

Дэннис остался в машине. В отличие от нее самой, парень остался не в восторге от этого места. Он что-то сказал там, на вершине, и возможно стоило быть немного внимательнее и держать уши на макушке, но сейчас Шелли не думала об этом. Она подошла к стойке.

Портье встретил ее пронзительным взглядом голубых глаз. В этом взгляде можно было бы утонуть, если бы... не парнишка, что поджидал в машине. Не такой уж и мальчишка, тут же поправила она себя – ему почти двадцать, что с того, что Дэннис выглядит немного моложе.

- Мне нужен номер.

Шелли произносила эту фразу не первый раз, но отчего-то именно здесь от нее веяло чем-то пошловатым, словно портье был в курсе всех ее тайн.

- Двухместный – уточнила она, и это тоже было частью маленького представления.

За спиной портье поблескивали золоченые шляпки гвоздей. Большинство из них пустовало – середина сезона.

- Мисс? – Он, выжидая, смотрел на нее. Подтянутый мужчина средних лет – сейчас Шелли и не думала о том, что творится у него в брюках.

- Запишите на Шелли и Дэнниса Брукс. – Сочинить маленькую ложь оказалось парой пустяков. Впрочем, портье не задавал лишних вопросов.

(Просто ты, еще не в должной мере насладились местным гостеприимством, милочка!)

Шелли вздрогнула. Ну вот, опять. Это все дорога – действительно самое время задержаться на пару дней, а там посмотрим.

На миг ей показалось, как губы мужчины растянула нехорошая улыбка.

(Ну да, старуха снимает номер, а «муженек» поджидает снаружи, поскольку достаточно только взглянуть на ТОГО парня, чтобы сообразить, что к чему!)

Шелли вздрогнула.

- Простите, что? – Этого не могло быть на самом деле, просто потому, что... не могло.

- Ваши вещи? – Портъе была сама любезность. На небольшой металлической табличке, заколотой за лацкан пиджака, Шелли прочитала имя – Герберт. Вполне подходящее для такого места.

- Они в машине – небрежно бросила Шелли, расписываясь в книге для посетителей. Герберт кивнул, и пара посыльных сорвалась с места, демонстрируя готовность тащить чемоданы хоть на край света.

Отойдя от стойки, Шелли оглянулась. Мужчина у стойки смотрел на нее. Перехватив ее взгляд, он отвернулся. Слишком поспешно, чтобы это оказалось случайностью. Именно в этот момент, Шелли поняла, что отель ей не нравится.

- Что происходит? – Миссис Брукс была не первой, кто задавался подобным вопросом. Не стала она и последней.

Дэннис остался в машине. Он развалился на сидении, разглядывая мир, что сузился до размеров ветрового стекла. Видно было немного – угол здания, зеленеющий газон, что опускался от фасада к большому бассейну, кусок тропинки, ведущей, судя по указателю на площадку для игры в «Роке», да живая изгородь кустарника, с выстриженными фигурками зверей, но и того оказалось достаточным, чтобы очертания отеля поплыли в глазах. Дэннис сглотнул.

Черт, только не сейчас.

Он открыл дверь и вывалился наружу. Свежий ветер бросил в лицо пригоршню пыли, приветствуя нового посетителя отеля. Дэннис медленно выдохнул.

(Сейчас, приятель, дай только минутку. Только одну...)

Не смотреть, не дышать, не думать.

Все пройдет, как проходило раньше. Просто ничего не делай такого, что может дернуть завесу. Просто ничего не...

(Ох, малыш. Не подумай ничего такого, но ведь это место немного отличается от всех тех, что видел ты, так ведь?)

- Разве что совсем чуть-чуть... - Хрипло пробормотал Дэннис, и ему стало немного легче.

Ветер дунул с новой силой, отчего зашевелилась листва на «Звериной площадке». От стриженных фигурок повеяло холодом. Дэннис взглянул на тропинку, что вела вдоль газона, уходя к бассейну. В самом бассейне никого не было.

(Ну вот, парень, так лучше?)

Дэннис выбрался из машины, и приступ скрутил его с новой силой.

Откуда-то дохнуло гарью. Дэннис затрясся.

- Нет, пожалуйста, не надо, не сейчас...

Мир вздрогнул, и невидимая полоса разделила его на две части. Дэннис уперся рукой в крышу автомобиля, попытался закрыть глаза. Это помогло, но лишь отчасти – полоса по-прежнему разделяла мир темноты, ее края отсвечивали болью.

Он затряс головой. Гарь обволакивала ноздри, не давала вздохнуть, как следует. Затем судорога согнула его пополам, и Дэннис зашелся хриплым кашлем.

Приступы посещали его лет с десяти. Все началось однажды осенью, когда ребятня затеяла строить дом на дереве. Огромный клен уходил в небо, шевеля кончиками веток кудрявые облака. Это сейчас дерево не кажется очень уж высоким, но уже тогда старый великан был выше любого здания в городе...

- Ну давай, трусишка. Залазь быстрее! – Дженни уже забралась наверх, и кричала оттуда, насмехаясь над ним.

Дэннис поднял голову. Клен, казалось, пронзил небо, нечего было и думать о том, чтобы карабкаться вверх по доскам, прибитым к дереву вместо ступенек.

- Ну же, Дэннис, не будь таким ТРУСОМ!

Мир всколыхнулся, и Дэннис сглотнул. Что-то было не так, но он не стал копаться в ощущениях. Дженни будет считать его трусом, а это не самое лучшее, что может случиться с десятилетним пареньком.

Он подошел к дереву. На ощупь клен казался живым. Дерево вибрировало под руками, словно старый клен пытался о чем-то ему рассказать.

(Ну-ка, маленький говнюк, забирайся скорее, мы все уже заждались!)

Дэннис поставил ногу на доску и оттолкнулся от земли.

Долгий подъем наверх закончился оглушительно коротким полетом вниз. Ему наложили полдюжину швов, не говоря уже про сломанную руку и лодыжку. Дело было в другом – еще до того, как забраться на высоту, Дэннис знал, что из этой затеи не выйдет ничего хорошего. Точно так же сейчас он подозревал, что впереди будет что-то такое, что изменит его судьбу.

Чья-то рука сдернула завесу, и мир засиял новым светом, показав свою суть. В новом мире царила ночь, но не это было главным.

Дэннис увидел отель.

Он предстал перед ним совсем не таким, каким видели его постояльцы – «Оверлук» был великолепен. Четырехэтажное здание сверкало тысячей огней. Дэннис слышал музыку, что вырывалась из широких окон первого этажа. Судя по доносившимся звукам, там был бар или ресторан.

Дэннис зачарованно смотрел. Что же, черт возьми, происходит?

Ночь преподнесла ответ, дохнув в лицо пьянящим запахом виски и джина, привнесла очарование праздника. Веселье, царившее внутри было...

(Безумным, бескрайним и безграничным!)

настоящим настолько, насколько были настоящими звуки джаза. Хриплый голос труб придавал этому веселью неповторимый вкус.

Дэннис шагнул навстречу ветру. И в этот миг открылись двери отеля, и веселье, что томилось внутри, просачиваясь сквозь неплотно закрытые окна, вырвалось наружу, сметая все на пути, чтобы захлестнуть волной, накрыть с головой и схлынуть, оставив на волосах разноцветные кружочки конфетти и неясное томление в груди.

А еще он услышал голос. Он доносился из стен отеля, словно тот пытался разговаривать с ним.

- Иди сюда, малыш. В место, где меняются судьбы...

Ночь вспыхнула тысячей фейерверков, и накрыла его, обволокла тишиной.

Дэннис рухнул на землю, как раз тогда, когда Шелли Брукс возвращалась к машине, чтобы сообщить приятную новость.

Они останутся здесь на некоторое время.

(Чтобы разобраться...)

Дня два, три... Не больше.

Забегая вперед, можно утверждать, что Шелли Брукс ошиблась. Они пробыли в отеле гораздо дольше.

Короткий путь от стоянки до вестибюля отеля, Дэннис проделал, находясь между явью и сном – мир вроде бы вернулся на место, но не до конца. Здесь все было по-другому. Словно в пазы набилась разная дрянь, и теперь мешала встать кусочкам

реальности на свои места. Первое, что он различил, едва разлепил глаза – склонившееся над ним лицо Шелли.

(Старушка чуть не врезала дуба, когда обнаружила тебя валяющимся у открытой двери машины. Тормошила тебя, как какого-то гребаного пьянчугу – ты и вправду напугал миссис Брукс. Ты уж побереги себя, дружок. Негоже заставлять волноваться старую леди – поверь, не стоит...)

Дэннис приподнялся, пытаясь сообразить, что произошло.

- Эй, что с тобой? Тебе плохо? Что случилось? – Вопросы сыпались из нее один за другим, и на мгновение Дэннису захотелось ударить ее.

(Врезать так, чтобы с ее лица слетело это озабоченное выражение!)

- Все в порядке, детка... - Прохрипел он. Слишком много вопросов – на все, пожалуй (и это святая правда) не найдется ответов.

Было ли все в порядке на самом деле, кто знает?

Шелли помогла ему приподняться, и они кое-как доковыляли до входа.

В вестибюле было довольно прохладно. Из небольшого приемника в холле играла Зеппелиновская «Лестница в небеса». Дэннису она показалась несколько неуместной здесь. Отелю скорее подошло что-нибудь джазовое (как той ночью, когда срываются маски и во все стороны летит серпантин вперемешку с конфетти), или на крайний случай немного соула. Скажем Марвин Гей или что-нибудь из Эла Грина.

Хотя Дэннису и не нравилось старье, он не мог не признать, что отель давил своей атмосферой. Как будто его перенесли из прошлого – годков этак пятьдесят назад. Старые стены законсервировали время, и оно пыталось вырваться наружу, чтобы вернуть все назад, как было раньше, когда до войны еще целая вечность, и мир кажется проще и чище.

(А еще там есть зала, обитая красным бархатом, а в углу стоят огромные часы из черного дерева!)

- Наш номер на втором этаже, правда, прелестно? – Промурлыкала Шелли, и Дэннис кивнул, заранее понимая, что она имеет в виду.

Подъехал лифт. Огромная дребезжащая коробка, пусть и украшенная бронзовыми завитушками. Они ступили с опаской – кабина лифта просела на четверть фута, но даже этого было достаточным, чтобы в голову хлынули образы рвущихся тросов и разлетающихся искр аварийного тормоза. Тем не менее, обошлось. Лифтер – неунывающий парнишка лет шестнадцати (чуть ли не ровесник ЕЕ Дэнниса!) доставил их на второй этаж. При желании можно было бы взойти по высоким ступеням, но Дэннис так плохо выглядел, что для Шелли всякая мысль подниматься по лестнице казалась кошунственной.

Номер «217» – Шелли открыла дверь. Все как положено. Большая просторная комната, широкая двуспальная кровать (Шелли помимо воли ухмыльнулась), слева дверь в ванную. На всю высоту двери, приделано огромное зеркало, если стать чуть в стороне, можно увидеть только комнату и больше ничего.

(А ведь тебе не хотелось бы любоваться собственным отражением, не так ли?)

Может так, а может... не так.

Шелли буквально вволокла Дэнниса в номер. Затащила на кровать. Он уселся с краю, пытаясь сфокусировать взгляд.

(Словно наркоман, таких много у заправок вдоль дороги, Шелли!)

Лифтер, носильщик, и даже портье – каждому нашлось утешение. Звонкая мелочь покидала кожаный кошелек миссис Брукс.

Она закрыла дверь, отгородившись от длинного коридора, в котором остались широкий ковер, сверкающий латунию наконечник огнетушителя (отчего-то Шелли он показался похожим на пасть питона), и широкая до ушей, как у Чеширского кота – стоит закрыть дверь, и она начнет меркнуть в сумраке, улыбка коридорного.

На полу был постелен мягкий ворсистый ковер. Он ласкал ступни приятной теплотой. Шелли улыбнулась.

Дэннис смотрел сумрачно из-под лба, словно видел ее впервые.

- Привет – проворковала она.

Мальчишка не ответил. Он чуть покачивался сидя на краешке кровати. На миг Шелли стало не по себе.

Чего ей просто не хватало, так это ненужных проблем. И быть может только сейчас, Шелли пришло в голову, что не все так просто, как казалось тогда, когда ветер дороги ворошил прическу, а в приемнике пела Лори Либерман.

(Он нежно убивает меня своим настроением, ребята, о, это так на самом деле...)

Все так – Шелли подпевала как могла, но, в самом деле, парнишка уставился на нее словно увидел призрака.

Шелли положила руку ему на плечо.

- Эй? – Нежно позвала она.

И быть может, именно прикосновение возымело нужный эффект – Дэннис отвел взгляд от невидимой точки на обоях, и, наконец, соизволил заметить ее.

Шелли Брукс расстегнула пуговицы, стащила блузку. Не то чтобы она видела интерес в его глазах, с нее достаточно было того, что из взгляда парня ушло напряжение. Словно что-то плохое покинуло его мысли.

(И это уже неплохо, милая – маленькими шажками можно забраться так далеко, как и не снилось глупеньким избалованным стервам вроде тебя, Шелли!)

Миссис Брукс стащила короткую юбку, оставшись в нижнем белье.

- А теперь сделай меня немного счастливее – томно прошептала она, и потянулась рукой к выключателю.

В номере было темно. Дэннис развалился на широкой кровати. Шелли Брукс прижалась к нему, тихонько посапывая на его руке.

(И это твоя женщина, как ни крути, малыш!)

Он проснулся среди ночи, и некоторое время лежал без движения, вслушиваясь в темноту. Получалось не очень – мысли были где-то далеко, а еще Дэннис чувствовал странную усталость – словно он сделал что-то такое, чего не стоило делать ни в коем случае, и теперь маялся от звенящей пустоты, что сопровождала все нехорошие поступки.

Ему было не по себе.

Придорожные мотели – все они были похожи друг на друга; обезличенные стены видали многое, но это место вызывало оторопь. Дэннис не привык к такой шикарной обстановке. Не сильно скрипучая кровать, холодильник с пивом да телевизор – большего и желать не стоит. Здесь же все было по-другому. Обстановка давила на нервы – показная роскошь, словно кто-то взял да и вытащил на божий свет дешевое, позолоченное старье, которому самое место где-нибудь на чердаке.

«Оверлук» казался престарелой модницей, что проводила дни у зеркала, пытаясь убедить саму себя, что все еще впереди, и морщинки на лице, так же как и седые волоски, лишь несущественные мелочи; обращать на них внимание – пустые хлопоты.

Дэннис вздохнул. Спать не хотелось. За окнами спала июльская ночь, но если не отвлекаться, можно было услышать ее дыхание.

Четвертое июля он встретил в Нью-Арке. В городке было полно черных и, пересекая пешком туннель Линкольна, Дэннис в который раз пожалел о том, что у него нет машины.

На выезде из города, его подобрал пожилой техасец. Всю дорогу до Трентона, Дэннис молча смотрел в окно, даже не пытаясь перебить старика. Городок оказался так себе. Единственное, что здесь вроде пару лет назад арестовали Синатру; больше ничего такого особенного, не считая, конечно знакомства с Шелли Брукс.

Серебристый «Порш» пронесся мимо Дэнниса, и тот запоздало подумал о том, что неплохо было бы в таком прокатиться. Не зная, зачем он махнул рукой вслед. Удаляясь «Порш» превратился в чуть заметную точку и скрылся за поворотом, а четверть часа спустя, Дэннис увидел машину, стоящей на обочине.

Дамочка за рулем открыла дверь и курила, откинувшись на сиденье. Дэннис заметил блеск бриллиантов на ее руках. Подходя к машине, Дэннис даже не догадывался, что уже вечером богатая миссис будет стонать под ним, оставляя царапины на спине. И уж тем более не знал, что окажется в Колорадо, в отеле, где вершатся судьбы.

Последняя мысль показалась удивительно странной, но Дэннис не стал задумываться о причинах. Засыпая, он улыбнулся, отчего лицо его стало по-детски беспомощным.

Ночь за окном спала вместе с ними, и только отель прислушивался к здоровому ровному дыханию Дэнниса.

Все еще впереди, парень.

Все впереди...

- И я говорю – истинный друг, это тот, кто не мешает твоей свободе. Главное ведь что? Быть собой, малыш, вот как, чувствовать ...ну ты понимаешь. Тебе всегда хорошо рядом с ним.

Джим выпил виски и поставил на стойку пустой стакан.

- Но самое главное – не позволяй никому любить тебя таким, каким ты кажешься. Это притворство, обман. Иногда люди привыкают к такому, одевают маски, и они вырастают, да так, что и не снять потом. Сечешь?

Дэннис обалдело кивнул. Черт возьми, это сон, не иначе. Он сидит за барной стойкой, перед ним бутылка «Олимпии» а рядом примостился сам Джим Мориссон, собственной персоной.

Шелли осталась в номере, и Дэннис от нечего делать спустился на первый этаж, в бар «Колорадо». В динамиках приемника (огромный, блестящий лаком, настоящий «Скотт Филармоник» стоял у стойки; посетители бара с уважением рассматривали дорогостоящую игрушку) играла «Богемская рапсодия» и Дэннис решил присесть у барной стойки, пока не объявится Шелли.

- Люди любят свои цепи. Они забывают о том, каким были, а когда ты пытаешься напомнить – начинают тебя ненавидеть за это, потому как думают, что ты хочешь украсть у них самое драгоценное, содрать маски.

Дэннис моргнул.

Парой минут назад, Джим возник откуда-то сзади, и плюхнулся на соседний стул. Дэннис не сразу узнал его. Нет, он конечно много раз видел его на плакатах, но сейчас просто отказывался верить своим глазам. Здесь, в этом отеле...

Заметив интерес в его глазах, Джим протянул руку.

- Здорово, парень...

Дэннис пожал холодную ладонь Мориссона.

- А вы...

Мориссон рассмеялся.

- Я знаю, приятель, это все похоже на сон, и так далее. В этом отеле останавливались даже президенты, так отчего скромный музыкант вроде меня (Моррисон театрально развел руки в стороны) не может провести пару недель вдали от суеты?

Дэннис промолчал. Молчал он и потом – в основном говорил Джим:

- ...представляешь, допиваю третью «отвертку», и дико хочу ссать. Вытаскиваю друга, и начинаю поливать стойку. Вот так вот, приятель. Бывало такое, что ссал себе прямо в штаны, а друзья оттащивали меня домой. А как сел на кислоту, так жизнь вообще оказалась похожей на сон. Ну, как у тебя сейчас.

- В смысле? – Не понял Дэннис.

Вместо ответа Моррисон ухмыльнулся.

- Мы еще обязательно поговорим об этом, парень. А вот и твоя подружка...

Дэннис обернулся, как раз вовремя, чтобы увидеть входящую в бар Шелли.

- Шелли иди сюда. Смотри кто здесь...

- С тобой все в порядке?

- Что? – Дэннис вздрогнул.

Соседний с ним стул пустовал. Только забытый на стойке стакан чуть поблескивал в лучах яркого солнца.

Они сидели за столиком в баре. Дэннис потягивал из бутылки безалкогольный коктейль. Шелли, потянув носом воздух, ощутила запах мяты.

Себе она заказала сладкий джин с водой и мускатом, и в ожидании заказа пыталась разговорить Дэнниса. Парнишка был не в себе. Он вертел головой, словно пытался кого-то найти. Это слегка раздражало.

- Хей, Дэннис – нежно позвала она. – Можешь не искать, я здесь.

Парень улыбнулся. Черт, какой у него взгляд. Можно растаять. А еще в его глазах иногда зажигаются искорки. Хотелось бы верить, что это оттого, что он смотрит на нее, на Шелли Брукс.

Официант принес джин. Шелли отпила из высокого бокала, и обвела взглядом бар.

Бар как бар, ничего особенного – крошечная пустующая эстрада, барная стойка, за которой колдует бармен, десятка четыре крутящихся стульев, да отделенные друг от друга ширмами кабинки, оббитые бардовым бархатом. В одной из таких сейчас они с Дэннисом.

Бар назывался «Колорадо» и чтобы добраться до него, приходилось идти длинным коридором, что начинался от центрального вестибюля. Вход в бар находился в дальнем углу не то столовой, не то ресторана; проходя мимо столов, застеленных белоснежными скатертями, Шелли ощутила странное чувство – от белого в глазах поплыло, еще мгновение и она подумала, что свалится в обморок, но в тот же миг все пропало, и она увидела двухстворчатую дверь. Над дверью висела вывеска – светились полукругом буквы, приглашая проследовать дальше в мир, где правят виски и джин.

И вот что еще детка – быть может, здесь ты обретешь НАСТОЯЩЕЕ счастье?

Хотелось бы верить.

В баре было уютно, тихонько играла музыка. Войдя, Шелли некоторое время осматривала помещение. Дэнниса она заметила сразу – тот сидел у стойки, задумчиво изучая этикетку «Олимпии». Словно почувствовав ее взгляд, парень обернулся.

Шелли показалось, что тот немного не в себе.

(С этим парнем определенно что-то происходит – сначала на стоянке, потом в номере, хотя может быть все это последствия дальней дороги?)

Джин оказался средней паршивости – довольно странно для такого отеля. Показная роскошь и посредственная выпивка – такой себе эрзац счастья. Мысль показалась стоящей – Шелли хохотнула.

Спиртное начало действовать. Дэннис смешно наклонил голову, отчего стал похож на маленького пушистого птенчика.

- Цыпленок Дэннис. – Комично произнесла Шелли.

ЕЕ парень улыбнулся.

Дэннис был одет в узкие джинсы, отчего его хозяйство выпирало так, будто ему в ширинку натолкали прошлых годов газет. Шелли почувствовала, как ее лицо опять перетянула ухмылка.

- Минуточку... - пробормотала она, и залпом опрокинула стакан.

Хорошо.

- Я сейчас, Дэннис.

Она выбралась из-за столика и на негнущихся ногах подошла к стойке. Бармен поднял на нее невыразительный взгляд. К лацкану бардового пиджака была прикреплена металлическая пластинка с именем.

Шелли прищурилась. Черт, не разобрать... ага.

- Э... Ллойд, повтори-ка, будь добр.

Бармен вежливо улыбнулся.

- Присаживайтесь, миссис...

- Шелли. Можно просто Шелли...

(Боже, Дэннис остался в кабинке, а ты уже пытаешься строить глазки бармену. Ну ты и шлюха, Шелли Брукс!)

- О, еще какая! – Вслух произнесла она.

Ллойд вопросительно поднял брови.

- Не обращайтесь внимания – махнула рукой Шелли.

Она забрала выпивку и вернулась в кабинку. Дэннис продолжал изучать этикетку.

(Парню скучно, вот он и не знает чем себя занять.)

Шелли сделала глоток. Музыка стала громче, или просто спиртное сделало слух острее?

Из приемника доносилась «Я и Бобби Мак-Ги». Шелли откинулась на сиденье. Достала из сумочки сигареты. Закурила, выдохнув в потолок струйку дыма. Дэннис молчал. Дженис Джоуплин сменилась «Мэгги Мэй» Рода Стюарта, а парень уставился на бутылку, словно видит ее впервые.

В голове у Шелли зазвенели колокола. Мир чуть подрагивал музыке в такт, а парень, что сидел напротив, не обращал на нее внимания.

Шелли Брукс затушила сигарету, а на смену Стюарту пришел Элтон Джон. Дэннис ковырнул ногтем этикетку.

- Черт с тобой – про себя решила Шелли, и заказала еще порцию джина.

Спиртное лилось в горло, и прямо на глазах мир становился проще. Его было немного – узкое пространство кабинки. Затертый бархат, пара светильников на стене. Шелли дернула золоченую цепочку – раздался тихий щелчок и светильник погас. Чуть позже она потушила второй. Когда зазвучала «Давай останемся вместе» Эла Грина – Шелли поцеловала парня, оседлав его.

- Давай сделаем это здесь – пьяно шепнула она.

Дэннис дернул головой. Слегка, – сначала она даже подумала, что ей показалось, но на его лице действительно промелькнуло выражение брезгливости.

(Ты пьяна, Шелли)

- Эй, Дэннис – позвала она. – Ты со мной?

Дэннис вздрогнул. Его взгляд помутнел и снова прояснился.

- Да детка – ответил он и поцеловал Шелли.

Встреча с Морриссоном выбила Дэнниса из колеи. Тут было что-то не так. И дело даже не в том, что Дэннис не верил в совпадения.

Что-то... связанное с дорогой. Но что? Дэннис пытался сообразить, но словно утыкался в стену.

Шелли взобралась на него. От нее пахло потом и джином. Дэннис целовал ее, чувствуя, как горлу начинает подкатывать рвота. Старуха оказалась на редкость тяжелой. Он трогал ее груди, поражаясь самому себе. Шелли Брукс щекотала его затылок, чуть царапая острыми ноготками. Целовала мочку уха, прикасалась языком, отчего Дэннису стало щекотно. Потом она отпрянула, оставив капельки слюны на его шее. Дэннис улыбнулся.

(Главное не обращать внимания, главное...)

Дорога... она простиралась впереди, уходя к горизонту. Она пахла раскаленным асфальтом, пылью. Солнце заглядывало в окна машины, когда они мчались ему на встречу. Шелли и Дэннис, сладкая парочка. Можно было бы придумать, что их соединила судьба, или что-нибудь подобное, но нет – все не так.

Что еще?

Джим Морриссон, что же еще – как он оказался здесь, когда должен быть совсем в другом месте?

(В каком, приятель? Похоже, тебе известно больше, чем кому бы то ни было, ведь так?)

Они мчались по дороге, слушали радио, занимались любовью (или как там это называется?) в придорожных мотелях, сходили с ума, чтобы оказаться здесь, в оббитой бархатом кабинке бара «Колорадо».

Запах асфальта, джина и мяты, ну может быть еще немного муската – что еще?

Это запах дороги, и, Дэннис, черт тебя раздери, постарайся вспомнить, что не дает покоя!

(Сдерни завесу, раздели мир пополам – это ли не способ узнать правду?)

Шелли Брукс елозила на нем, пыталась расстегнуть на брюках ремень. Ее пухлые пальцы, украшенные золотом и бриллиантами, шарили у него в паху, но Дэннис лишь улыбался, не делая никаких попыток помочь.

Он улыбался, когда она лизнула его в щеку (еще раньше он заметил синие прожилки вен на нижней части ее языка), улыбался, когда она принялась расстегивать дрожащими пальцами пуговицы рубашки, улыбался когда...

(Просто улыбался, в мгновение ока унесясь прочь на сотни миль отсюда, возвращаясь назад!)

Он целовал Шелли Брукс и одновременно мчал в серебристом «Порше». Тискал рукой обвисшую грудь и содрогался от омерзения, когда ее язык начинал путешествовать у него во рту. Слушал музыку в баре «Колорадо» и дремал, развалившись на удобном сиденье автомобиля.

Дорога таила в себе множество тайн, не меньше чем отель «Оверлук», пускай они и не были такими ужасными. Нужно только приложить немного усилий, чтобы сдернуть завесу и заглянуть что там, за ней, в глубинах его подсознания.

А когда старину Грина сменила «Запутавшись в голубом» Боба Дилана, Дэннис привстал, (он сумел сделать это, несмотря на старую суку, что придавливала всем своим весом) заглянул за спину Шелли и увидел обертку мира, завесу что отделяла свет от тьмы и правду от вымысла. Там, за оберткой клубилась тьма, достаточно было сдернуть ее,

чтобы обнажить сокровенное. Шелли что-то пыталась сказать, но Дэннис уже не слушал, он протянул руку, и содрал завесу. И только когда тьма обступила его, он, наконец, вспомнил. И тут же пожалел об этом...

Серебристый «Порш» несся вперед, пожирая мили протекторами колес. Ветер теребил прическу Шелли Брукс, пухлые пальцы сжимали руль. Дэннис развалился на сидении, устало прикрыв глаза. Что и говорить ночь выдалась беспокойная, он изрядно вымотался, пытаясь утолить похоть миссис Брукс.

Он находился в том странном состоянии между сном и явью, когда реальность пытается перетечь в несуществующий мир, и каждая мысль находит свое продолжение там, за границей тьмы.

Но, даже уходя в этот волшебный мир, Дэннис продолжал слышать бормотание приемника:

- ... вот уже четыре года прошло с того дня, когда Джим Мориссон был найден мертвым в своей Парижской квартире. До сих пор не известны истинные причины июльской трагедии, официальная версия гласит – смерть от сердечной недостаточности. В те дни выдвигалось множество версий, среди них: самоубийство, передозировка наркотиков, и даже заказное убийство... Случившееся стало настоящим шоком для Памелы Корсон – в то время спутницы Джима. Сам Джим никогда не избегал...

Дальнейшее осталось по ту сторону реальности, и Дэннис погрузился в дрему, начисто отбросив услышанное. Бедняга Джим давно покинул этот мир; Дэннис и так знал об этом! Впрочем, ему никогда не нравились «Дорз», тем более в июле семьдесят первого Дэннису было всего четырнадцать, и нет ничего страшного, если сейчас он немного поспит...

Он забыл о том, что знал! Кто-то, или скорее что-то (отель!) заставило его забыть о смерти Мориссона.

Тьма словно взбесилась и скрутила Дэнниса в тугой кокон. Он закричал, и попытался вернуться обратно – без результата. Тьма засасывала в какой-то безумный водоворот, и Дэннис приготовился сгнуться в нем. Полоса, разделявшая мир стала шире, гораздо шире, чем обычно и ее края перестали излучать боль, стали холодными как смерть. И когда Дэннис уже окончательно сдался, сильные руки Шелли Брукс вытащили его обратно в мир боли и страха. Яркий свет ударил по глазам, и бардовый бархат облепил разум Дэнниса. Он пытался выбраться из бархата, но это оказалось лишеным смысла – бархатными были руки Шелли, даже некогда золоченые цепочки светильников выглядели бардовыми лентами. Весь мир лоснился бархатом, но хлесткий удар по лицу вернул все на место.

- Ты что это вытворяешь, сукин ты сын? – Со злостью прошипела Шелли, и Дэннис отпрянул от нее, держа за пылающую щеку.

(С возвращением приятель!)

Мир стал обычным не сразу. Бардовый бархат облез, возвращаясь назад, на стены кабинки. Дэннис удивился: интересно, когда эта старая сука успела слезть с него?

Эта мысль стала первой, и родить следующую Дэннис смог не сразу. Во всяком случае, до тех пор, пока не выбрался из кабинки на божий свет.

За семь дней проведенных вместе, они успели осточертеть друг другу. Во всяком случае, так думал Дэннис. Что думала Шелли – одному богу было известно.

Вечером после того дня, Шелли долго извинялась, пускала слезы. Все закончилось в постели – сидя на самом краешке Дэннис отрешенно смотрел, как миссис Брукс стягивает чулки. Дорогой шелк скрывал выступающие вены на ее ногах – синеватые узелки и черные нити образовывали причудливый рисунок.

Дэннис улыбнулся. Это все что оставалось ему. Смотреть и улыбаться. А как еще терпеть подобный кошмар?

Каждый последующий день был похож на предыдущий. С утра легкая разминка в баре. Джин с мускатом для Шелли и безалкогольная «Олимпия» для Дэнниса. На обед – мускат с джином для миссис Брукс и полбутылки «Олимпии» для парня. Меню на ужин (с пяти до семи): джин, мускат для нее, остатки безалкогольного напитка для него.

От запаха мяты Дэнниса стало воротить. Сильно хотелось пива, но ничего было, и думать об этом – можно было конечно попросить Шелли купить бутылку-другую, но уговор есть уговор. С утра до вечера его спутница накачивалась джином, а он довершал начатое – делал ее счастливой леди.

На исходе седьмого дня, Дэннис смог сформулировать то, что выводило его из терпения – старая миссис была причиной неудач. Не то, чтобы все катилось к черту – вовсе нет, но как наверняка сказал бы старина Мориссон: день, другой – дерьмо все то же.

(Вот что губит нас. Кто-то говорит: успех, наркотики и все прочие прелести – это не так. Однообразие – нет ничего хуже этой дряни.)

Уговор есть уговор, но боже, как долго тянутся дни...

Встреча с Мориссоном осталась в памяти Дэнниса ярким пятном послеполуденного бреда. Была она или нет – Дэннис так и не смог понять до конца. Быть может, ему повстречался двойник?

В списке постояльцев Джим Мориссон понятное дело не значился. Ничего не слышала о похожем джентльмене Делорес Викери – горничная отеля «Оверлук». Она глупо хлопала накладными ресницами, и мило краснела каждый раз, когда ловила на себе заинтересованный взгляд парня. Поразмыслив так и эдак, Дэннис пришел к выводу, что приступ начался много раньше, а все остальное – лишь результат не в меру разыгравшегося воображения.

(Чертовы картинки, мать их...)

Оставалось пить «Олимпию» да улыбаться каждый раз, когда старая сука пыталась удивить его очередной глупостью.

(Улыбайся, миссис Брукс любит веселье – можно сказать она купается в нем, а если даже июльский вечер кажется серым и скучным, будь уверен, – она придумает, как раскрасить его, ведь для нее нет ничего лучшего, чем отмочить что-нибудь этакое – все для тебя, малыш. Только для тебя!)

Дэннис скрипел зубами.

Дэннис считал дни, часы и минуты.

Дэннис улыбался...

Шелли взяла в руки бокал и попыталась рассмотреть сквозь него лицо парня. Получилось не очень. Хрусталь исказил черты – нос уплыл куда-то вбок, а рот стал похож на темное пятно.

- Да ты красавчик, парень – прокудахтала она.

Дэннис улыбнулся. В последнее время, эта улыбка стала раздражать Шелли. Словно кто-то привязал веревочки к уголкам его рта, и в нужный момент дергал за них, (к тому же, с каждым днем все слабее) – привет, малышка, я делаю это, а значит все в порядке, так ведь?

Нет не так. Уговор есть уговор, но, черт возьми, они делят одну постель на двоих, так неужели нельзя быть с ней немного поласковой?

Шелли взяла со стола бокал. Чуть выдохнула и залпом выпила. До дна, как и полагается настоящей леди.

- Как насчет партии в роке? – в ответ Дэннис улыбнулся.

(Как какой-то бродяга, которому заплатили по дайму за каждую улыбку – не очень здорово, но отвяжитесь от меня поскорее. Ну как вроде – я делаю все что могу, так какого хера, вам от меня нужно?)

- Роке это игра, почти как крокет. Только у молотка ручка побольше. И толще...

Черт, он опять улыбается. И при этом смотрит на часы, как будто время имеет здесь значение. Шелли поднесла руку к глазам. Почти восемь – самое время для развлечений.

(Небольшая разминка на белых простынях – немного счастья для бедной миссис Брукс.)

Музыка стала громче. Интересно это на самом деле так, или только кажется? Шелли покачнулась.

- Идем – скорее выдохнула, чем сказала она, и попыталась встать.

Ее парень улыбнулся, и показал взглядом на початую бутылку «Олимпии».

- Забудь... - Шелли Брукс еле ворочала языком.

Дэннис мотнул головой.

- Давай посидим еще...

Шелли, наконец, выбралась из кабинки и наклонилась над ним, обдав запахом алкоголя:

- Я уже готова к употреблению... - она хохотнула, и провела языком по губам.

Дэннис ухмыльнулся:

- Всеу свое время, детка.

(Малыш хочет чувствовать себя взрослее!)

- Я буду ждать! - бросила Шелли, и удалилась, пьяно покачиваясь на каблуках.

Парень проводил ее взглядом.

- Пташка изрядно поднабралась! – Хохотнул Джим, и уселся напротив.

Дэннис замер, наполняясь ужасом.

Джим Мориссон вытащил из воздуха стакан, и со стуком поставил на стол. Дэннис с трудом вдохнул, - он сходит с ума, не иначе.

- Ну-ну, дружище, не стоит быть таким напряженным – подмигнул Джим, и Дэннис услышал, как бьется собственное сердце.

- Я все про тебя знаю – пробормотал он. – Ты не можешь сидеть рядом, ты гребаный покойник!

- Ну да – тут же согласился Джим. – А ты как я погляжу все еще обхаживаешь красотку Шелли?

Упоминание о Шелли, как ни странно подействовало успокаивающе. Дэннис отхлебнул из бутылки. Черт, ну и гадость!

(Сейчас бы чего покрепче!)

- Иди к черту, хрен собачий – вырвалось у него.

Мориссон рассмеялся. Дэннис оторопело смотрел, как мертвый музыкант задыхается от хохота – Джим стучал ладонью так, что казалось еще немного, и бутылка с безалкогольной дрянью загремит на пол и чертов запах мяты пропитает все вокруг.

- Парень, ты и вправду крутой. – Джим захлебнулся смехом, и откинулся на спинку сиденья. – Круче некуда.

Наступила тишина.

Дэннис попытался встать из-за стола и не смог.

- Не выйдет, приятель – покачал головой Джим. – И знаешь почему?
Отель вздрогнул, и мертвая тишина вскипела огненным смерчем, наполняя все вокруг яростным криком:

- Да потому, мать твою, что пришло время все ставить на свои места.

Дэннис запрокинул голову. Мир задрожал, и стал невесом.

(Ты еще улыбаешься, парень? Если нет, самое время сделать это, потому что потом ты вряд ли сможешь растянуть уголки рта, чтобы соорудить упоительную гримасу – время корчить рожи ушло!)

Мир в ее сердце – он меньше наперстка. Невелик и ничтожен – так быть может чудо делает его великим? Хорошо бы, особенно, если это чудо - ты!

Дэннис захрипел.

- О, как! – Насмешливо произнес Джим, и приподнял стакан. – За тебя, птенчик Дэннис!

Мир в ее сердце – черный мотылек над пламенем свечи. Огонь обожжет тонкие крылья и останется сморщенное тельце.

Протяни руку, и сдерни завесу – узнаешь как оно, быть одиноким и... старым.

(Эй, Дэннис, осмотрись – ты еще в баре, из колонки играет музыка – Дэвид Боуи поет о том, что молодые люди иногда убеждены в простых истинах, которые делают их не только циниками, но и ценителями настоящей свободы!)

- Ты представляешь, сынок (ничего, что я так, по-простецки?) – так вот, я глотал колеса, курил травку, и пил все что под руку попадалось, но был счастлив. По настоящему. Помнишь, о чем я толковал? Это как скинуть...

(маски долой!)

... ношу с плеч. Освободиться от того, что мешает, заслоняет горизонт...

Ты только представь, малыш – ее глаза блестят во тьме, и нет ничего более, что могло бы развеять эту тьму.

Ее волосы – засохший лен, ее запах – запах женщины, он будит в тебе зверя и ты готов умирать каждый раз, отдавая крупинку счастья взамен.

(О, Дэннис, пожалуйста, ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста – сдерни завесу!)

Ее ноги – обернуты шелком. Отекшие колоды, с картой автомобильных дорог из синих вен – ты замираешь каждый раз, когда она стягивает чулки.

В ее взгляде безумие вперемешку с джином, в ее голосе запах полевых трав и увядание осени.

Она стонет, согнув ноги, ее руки сжимают твой зад, словно она пытается удержать тебя.

(Затолкать в себя!)

Ее губы как маки. Цветы, покрытые воском. Мелкие трещинки сбегают ото рта к подбородку, и ты можешь проследить каждую взглядом – признайся, ты делаешь это каждый раз, когда ее лицо слишком близко!

В ее взгляде огонь, а в ее мире осень. Этот мир далек от тебя, но если есть желание – загляни. Просто сдерни завесу, как делал это не раз, и все образумится, вот увидишь!

(Я кричу малыш, не обижайся, поверь, - музыканты всегда были ближе к небу, чем кто-либо!)

Слушай же, слушай, не отводи взгляд. Твои вечера – лишь твои. Каждый раз ты оставался один, заставлял себя думать, что никого рядом нет, и ее взгляд – два огонька, рассекающих ночь, что приходила вслед за ней.

Она рядом с тобой – ее острый язык касается неба. Вот сейчас она будет твоей – она танцует, снимая одежду.

(О боги!)

Ожившая мумия – ткни пальцем, и она рассыплется, оставив запах тлена и осени. Ее руки – ожившие щупальца, обвешенные золотом. Ее зубы – острые клыки.

Ее мир меньше макового зернышка – как раз в величину маленького злого сердечка. Туки-тук, малыш, этот мир станет твоим, хочешь ты этого, или нет.

(Я говорю тебе малыш, хочешь – не слушай, но знай – музыканты всегда ближе к небесам, пускай их дорога всегда ведет в сумрак!)

Сдерни завесу, сынок, и мы посмотрим, как все было на самом деле!

(Это ведь так просто, руку протянуть – всего-то делов, а?)

Впрочем, мы говорим ни о чем, Дэннис - а как насчет сделки, парень? Ты же любишь торговаться, не так ли? Сколько стоит твое время – день, час, минута, миг?

Назови цену, и быть может, мы сумеем договориться?

Мир завертелся колесом, разбрасываясь искрами и конфетти, что летели изо всех щелей. Дэннис ощутил легкий запах полыни и улыбнулся.

Джим говорил что-то еще, но Дэннис не слушал. Он и так услышал больше чем нужно. Счастье пронеслось где-то рядом, и этого оказалось достаточно.

Дэннис сдернул завесу.

Серебристый «Пори» пронесся мимо, обдав на мгновение шлейфом богатства и власти. Дэннис повел носом – еще немного и он ощутил бы все это на самом деле.

(Ну, ты и псих, дружок – шагай следом, глядишь кривая и выведет куда-нибудь)

Дэннис послушно прошагал целую милю по раскаленному асфальту. Он шел, вдыхая запах гудрона и пыли, еще не зная точно, но, уже чувствуя чем-то внутри, - кое-что изменится вскоре.

Уверенность крепла с каждой минутой, поскольку маленькая расплывчатая точка на горизонте, на глазах превращалась в сияющую серебром крышу автомобиля.

Дамочка курила за рулем – страшная как черт, но шикарная как... - Дэннис не смог подобрать нужного сравнения. Она вся была увешена золотом и брюликами – пожилая миссис, лет под пятьдесят с гаком, большим таким гаком. Ее взгляд казался масляным, и словно обволакивал.

- Привет малыши – проворковала она, и Дэннис помимо воли замедлил шаг. Какая-то неведомая сила толкнула его вперед, к открытой двери.

Он наклонился над ней, изучая роскошный салон автомобиля.

- Привет – Дэннис внезапно охрип, и она, заметив это, растянула в улыбке размалеванные губы, похожие на две узких, ярко-красных полоски.

Они столкнулись по сотне за день. Пятнадцать дней (и ночей) – столько же сотен. Просто Дэннису нужны были деньги.

Очень нужны.

Нужны на столько, что он был готов терпеть ее липкие объятия каждую ночь проведенную вместе.

(Подумать только – целых пятнадцать сотен!)

Ведь мир отныне принадлежал им обоим в равных долях. В нем были:

Он и она.

Парнишка и старая сука.

Дэннис и Шелли Брукс.

Все было именно так.

- Ведь правильно? Так ведь, ковбой? – Джим Мориссон проорал эти слова прямо в ухо, отчего Дэннис чуть не оглох.

Он сидел, застыв как изваяние, сжимая кулаки. В баре царил приятный полумрак, и пел Тим Бакли.

(Мое время пришло, так же как придет время каждого из нас!)

- Сопливый мудак, неужели ты думал, что никто не понимает, почему вы вместе? – Спросил Джим, и заглянул парню в душу.

Мир сдвинулся, но так и не встал на место. Дэннис больше не улыбался. Он сидел, не в силах шевельнуться. Мир вокруг изменялся – в глазах все плыло, и Дэннису стало дурно. Он старался не двигаться, удерживал равновесие. Там за завесой было много чего такого, но теперь нечего и думать еще раз заглянуть туда, за изнанку мира.

(Там боль и тихий шепот, стон и отчаяние... Зубовный скрежет и никакой надежды, а самые дурные воспоминания прорываются через тонкую обертку полуночи)

Мориссон говорил с ним, шептал на ухо, кричал в лицо, брызгая слюной разбавленной виски. От него пахло потом и смертью – даже и не разобрать чем сильнее. Он задыхался от ярости, извивался ужом, ласково бормотал непристойности, отчего Дэннису становилось особенно худо, и над всем царил голос Брюса Спрингстина который пришел на выручку Тиму Бакли. До ушей Дэнниса доносились лишь обрывки песни, но и то, что слышал он, удивительно накладывалось на слова Мориссона, словно они вместе пели дуэтом:

Я могу спрятать боль
Чтобы потом найти ее вновь
И розы брошены в дождь
Я могу спрятать боль
Но все и так уже ясно –
Ты не герой!

- Ты не герой!!! – Проорал Джим Мориссон, нависая над ним.

(Подумай только, сделаешь все правильно – и тебе никогда не придется сдергивать завесу, разве это не стоит того?)

Сердце Дэнниса встрепенулось, и он скорее увидел со стороны, чем почувствовал, как из носа побежала кровь. В ушах застучали молотки, и Дэннис понял, что еще немного, и ему не найдется места в этом сдвинувшемся мире.

- Что тебе нужно? – Из последних сил прохрипел он, утирая кровь.

Музыка смолкла, и части реальности с противным скрипом вернулись на места.

Дэннис открыл рот. Они по-прежнему находились в баре, и Джим Мориссон восседал напротив, смакуя лучшее виски в этом году.

- Буду с тобой откровенным – Джим приблизил лицо, и Дэннис в который раз ощутил запах алкоголя. – Кое-что в этом мире зависит от нас с тобой. И будет лучше для всех, если каждый будет заниматься своим делом, и не совать нос, куда не следует. Сечешь, малыш?

Дэннис соображал с полуслова. Чтобы сейчас не сказал Мориссон, Дэннис был готов на все.

- Я... - начал, было он, но Мориссон прервал его взмахом руки.

- Убирайся отсюда – тихо, но отчетливо произнес Джим, и эти слова остались огненными знаками в душе Дэнниса.

Он вышел из номера без четверти десять. Аккуратно закрыл за собой дверь.

Спускаясь по лестнице (он не доверял дешевой роскоши лифта), Дэннис невольно ощупывал лежащие в кармане ключи от автомобиля. Шелли оставила их на трюмо, и Дэннис, улучив момент, стянул всю связку.

Ключи от Нью-йоркской квартиры миссис Брукс сейчас не интересовали Дэнниса. Был безразличен ему и маленький ключик от камеры хранения отеля. Он собирался увести серебристый «Порш» прямо со стоянки, и пусть только кто-нибудь помешает ему.

Ничего такого не произошло – Дэннис беспрепятственно спустился вниз. Постоял некоторое время в раздумье, подошел к стойке.

Ночной портье поднял голову. В его взгляде Дэннис не увидел вопроса. Только насмешку.

(Они все знают, что к чему, парень, так что не нужно устраивать сцен!)

- Жена нездорова – выдалил Дэннис, (первое слово далось ему с трудом) – что-то с желудком...

- Может вызвать доктора? – Наклонил голову портье.

Дэннис мотнул головой.

- Нет, нет – тут рядом, есть местечко. Там... в общем таблетки от желудка, я съезжу на машине.

Он направился к выходу, ругая себя последними словами – к чему было вообще что-то объяснять этому идиоту у стойки. Спину жег насмешливый взгляд того парня.

Дэннис вышел в июльскую прохладу. Отель следил за ним – отчего-то Дэннису показалось что «Оверлук» отпускал его с некоторым даже сожалением.

(Верно, приятель, но что поделаешь – обстоятельства. Иногда они бывают сильнее. Ну, ничего, не переживай, малыш – даст бог свидимся...)

За спиной Дэнниса открылась дверь отеля, и до его слуха донеслись обрывки песни. Вновь пел Брюс Спригстин, только уже не «Дорожный гром» а «Рождены бежать» - Дэннис горько ухмыльнулся. «Оверлуку» не чуждо было чувство юмора.

(О, парень, ты даже не представляешь насколько! Давай же, убирайся ко всем чертям, пока чье-то терпение окончательно не иссякло!)

Последующие часы остались в памяти Дэнниса отдельными несвязными событиями – сорок миль бешеной гонки до Сайвиндера, плутания по пустым улицам города (на счастье Дэнниса ему не повстречалась дорожная полиция округа), снова бесконечная дорога и звериный оскал луны, что сияет над головой.

Он пришел в себя где-то на въезде в Лайонс, быть может причиной тому была удаленность от места спутанных судеб, или просто Дэннис ощутил, наконец, что смог уберечься там, где в любой другой раз остался бы в проигрыше. В приемнике звучала тишина, сейчас она была дороже рваных ритмов и хриплых звуков, и парень сидящий за рулем сделал единственно правильное, что можно сделать в подобной ситуации – он подрул к ближайшей закусочной и вылез из машины.

Каждый последующий шаг отдавался тупой болью в ногах, но Дэннис не позволил себе обращать внимания на пустяки – он оглянулся, провожая судьбу, что сегодня была милостива к нему. «Порш» стоял у дороги – там, где он его оставил. Уходя, Дэннис вскользь пожалел о том, что пятнадцать сотен остались у миссис Брукс, чуть позже он и думать забыл о деньгах – что бы ни происходило там, в самом сердце Скалистых гор, частичка его самого осталась в отеле, и жалеть о ней было бы глупой затеей. Почему-то он знал, приступы никогда его больше не беспокоят - разве стоят жалкие пятнадцать сотен такого счастья?

Мир в ее сердце был подобен кусочку льда – маленький и холодный. Шелли осознала это, нащупав однажды поутру пустоту слева от себя. Она разодрала глаза, все еще не веря в очевидное – Дэнниса не было рядом.

Шелли приподнялась на кровати, с недоверием обозревая пространство комнаты. Роскошной и пустой. Она рывком сбросила одеяло, встала с кровати.

В спальне Дэнниса не было. Ванная комната оказалась пуста. Шелли постояла у зеркала, всматриваясь в отражение – белоснежный кафель, кусочек двери и старая тетка с потухшим взглядом.

Дэннис ушел – Шелли чувствовала это. Она вышла из ванной, остановилась посередине прихожей. Вещи в стенном шкафу оказались целы. Сумка на тумбочке лежала раскрытой, Шелли вытащила бумажник – деньги на месте.

(Включая те, что причитались парню)

Шелли подошла к двери, зачем-то открыла ее. Коридор за дверью пугал пустотой. Ковровая дорожка сияла чистотой, но Шелли было не по себе от нового чувства одиночества.

Она вернулась в комнату, села на краешек кровати и беззвучно заплакала.

Стюарт Уллман, управляющий отелем «Оверлук» был сама любезность – Шелли стоило немалых трудов удержать себя в руках. Толстяк излучал искреннюю участливость, но Шелли сразу отказалась от любых попыток помочь ей.

Все в порядке, я знаю, он отлично водит и все такое – Шелли сама толком не соображала что говорит. Больше всего ей хотелось, чтобы маленькая ложь стала правдой, но для правды оказалось мало места. Слишком много свидетелей.

Ближе к трем, Шелли спустилась на первый этаж, прошла огромным вестибюлем. Она огибала столики, сохраняя независимый вид. Вошла в бар. У стойки колдовал старый знакомый – Ллойд.

Шелли Брукс наклонила голову, чувствуя, как к горлу подкатывает комок льда. Отель следил за ней – почему-то Шелли казалось, что это так на самом деле. «Оверлук» словно затаился, выжидая, словно понимал, что теперь она осталась одна.

Ллойд, не глядя, крутанул верньер приемника и из колонок запел Боб Марли:

- Среди хороших людей, которых мы повстречали, и всех тех друзей, которых теряли на нашем пути...

Шелли улыбнулась сквозь слезы.

- В этом прекрасном будущем, ты не сможешь забыть...

(Парня, который был с тобой, который делил с тобой постель, который...)

Ее мир наполнился слезами. Шелли уселась за столик в той самой кабинке.

- В этом прекрасном будущем, ты ни за что не сможешь забыть...

(Главного, что было в твоей жизни, Шелли!)

Мир в твоём сердце, он всегда с тобой, каким бы маленьким не был. Маленький мир – в нём радость и печаль, осень и лето вместе, и нет ничего такого, что могло бы удержать его в руках. Маленький мир, сосредоточие зла и бесконечного добра, что распускается в июле цветами роз. Соберись милая, и мир в твоих руках станет основанием радуги, медным котелком эльфов, заветным желанием на рассвете – все будет так, как хочешь ты, но стоит только отвлечься (о, стоит только забыть на мгновение!) и этот мир встанет на дыбы, чтобы сделать все иначе, растоптать мечты, убить надежды.

Маленький мир – он мал как сердце, что бьется в твоей груди Дурнушка Шелли, подойди к зеркалу, и все поймешь сама:

Твои глаза – блеклые зеркала смерти. В них потух огонь, и они смотрят в никуда.

Твои волосы – крашенная пакля, смотри же, детка – так не должно быть на самом деле! Царапай зеркало обгрызенными ногтями – нет смысла в том, что ты видишь. Выйди

из игры, нарушая правила, дурачась, играя. Вспомни шутки друзей, их равнодушное самодовольствие – как часто бессилён разум в борьбе с человеческими страстями.

Быть может, стоит немного отвлечься?

(Выпей детка. Полный бокал джина стоит на стойке, и старина Ллойд уже протер ее до зеркального блеска!)

Боб Марли рассказывал о том, что будет, и Шелли Брукс была согласна с каждым словом:

- В этом прекрасном будущем, ты не сможешь забыть своего прошлого...

Она пила джин с мускатом, пытаясь отгородиться от настоящего, чтобы ощутить мягкое дыхание будущего. Мир в ее сердце казался прозрачной каплей джина.

- Лишь мои ноги ведут меня, и потому я всегда спешу...

(Навстречу смерти!)

Она слушала музыку, и ее сердце билось в такт:

О, пока я иду,

Все наладится, детка,

Все будет хорошо, все будет в порядке, о да!

Все будет как надо, все будет отлично, и верь – это навсегда!

Она погружалась на самое дно, где темно и нет просвета. Там хорошо – спокойно и тихо. Можно не думать ни о чем, и тишина будет продолжением смысла. Там тепло и приятно – спи, красавица Шелли, не забивай голову разной всячиной.

- Ллойд, сделай-ка еще порцию...

- Как скажете, мэ...

(О да, старая сука, все будет так, как того захочешь ты!)

Мир становится ближе. Он прозрачен как джин в ее бокале. Если всколыхнуть его – в бесконечных отражениях истины можно увидеть саму себя, повторенную многократно. Шелли, ты пьяна, детка.

(Бесконечно!)

Твои руки – синие вены выпирают отовсюду, как ни сжимай бокал.

Твои груди – о детка, я даже не буду говорить, на что похожи они – ты и сама прекрасно знаешь. Там, в зеркалах, отразится все, что угодно, но ты знаешь (о, мы все знаем!) это все видимость!

Ты старая сука, Шелли!

Не слушай, что поет старина Боб – это все не про тебя!

(Так что нет, женщина не плачь...)

Плачь старая сука Шелли! Плачь, как только можешь!

Роняй слезы, огромные как булыжник – твое сердце, лишь кусок старого базальта – что стоит разбить его, высекая огненные искры? Рядом нет того, кто делал ночи короче. Кто зажигал темноту, делал ее ярче!

(Дэннис ушел детка, и нет ничего, что могло бы вернуть его вновь!)

Выпей Шелли, и тебе станет легче!

(Поверь...)

Слушай бормотание приемника, крошка – эта песня заняла первое место во всех хит-парадах, так что никуда не деться от реальности, какой бы сукой она не казалась.

Нет, не плачь, женщина...

Мир в твоём сердце – сосредоточие зла. Маленькая ледышка, способная сотворить чудо – все возможно, вот только ты сама не будешь настаивать на том, чтобы изменить мир. Для тебя достаточно того, что есть – тусклый свет фонарей да унылые сумерки. Это твой мир, детка, и никуда не деться от самой себя: ты загрязла по уши, старая миссис, ты

останешься здесь, как бы тебе ни хотелось изменить все – твой мир это сумрачные холода, да пустые терзания осени. Пускай за окнами июль – твое сердце останется маленьким кусочком льда. Пускай за окнами поют цикады – твой мир будет наполнен завыванием метелей. В нем вечная зима. Холодные слезы, что падают кристалликами льда – запомни, милая, все будет так, как есть на самом деле – не думай, что напрасные мечтания смогут изменить твою суть.

(Забудь про осень. Зима, Шелли – вот что ждет тебя здесь, несмотря на то что, на улице жаркий июль!)

Готовься Шелли. Того парня нет рядом – и ты останешься здесь. Закажи еще выпивки – мир будет скакать в безумном танце, и ты сама погрузишься в безудержное веселье, у которого нет начала и конца. Здесь всегда царит праздник, и...

(маски долой!)

конфетти разлетается во все стороны.

Бесконечные ленты серпантина осядут на дорогих костюмах приглашенных гостей, и это будет лишь дополнительным штрихом, незначительной частью, взмахом ресниц в ту волшебную ночь, когда...

Будут сброшены маски!

Ты, старая сука! Оглянись, раскрой глаза, мать твою!

Твое тело – плохо окрашенный манекен. Старость и тлен – вот твое предназначение. Твои дни исчерпаны, твои минуты – застывающее движение стрелки.

Раскрой глаза, Шелли, загляни в самую себя!

(Он был рядом!)

То, что задумала ты – о, этот отель видел и не такое! Здесь всегда праздник – мужчины в широкополых шляпах и женщины в кринолинах – здесь каждый день похож на тот, самый первый, когда все вокруг было пропитано весельем.

(Этот отель создан, чтобы сохранить вечный праздник!)

И, Шелли, ты же не будешь делать все, чтобы нарушить наш праздник? Конечно нет – стань одной из нас, сделай это, милочка, и сама удивишься – мир вокруг станет намного ближе, чище.

Сделай это, и сама удивишься – чудесам нет числа, нет предела желаниям, что терзают разум. Протяни руку, и достань счастье. Оно рядом – достаточно поверить в это, детка, и не думать о разных глупостях, что только отвлекают от главного.

О, милая, мир вокруг – он так сложен и многогранен. Пей же детка, и... веселись.

Не думай плохом, и пускай музыка, что льется из приемника поможет тебе в этом:

- Нет, не плачь женщина...

(Не плачь Шелли, думай о том, что ждет тебя впереди!)

В половине десятого Шелли Брукс вышла из бара.

Она вошла в номер, закрыла дверь. Дернула ручку – дверь заперта, а значит все в порядке.

В голове звучала «Нет женщина, не плачь», а руки холодила бутылка джина.

- Я говорю, о, любимая, не пророни ни слезинки...

(Нет женщины, нет слез!)

Шелли вошла в ванную.

Открыла кран, наполняя ванну теплой водой. Попробовала рукой – то, что нужно.

Забралась в воду – мир не стал теплее. Шелли прихлебывала джин, наслаждаясь покоем. Боб Марли пел о том, как бывает иногда холодно и грустно – Шелли слушала песню, наполняясь осенней грустью.

Дэннис ушел, а это значит, что сегодняшняя ночь будет непохожа на предыдущие – пустота и прохлада, рука ощупывает холодную простынь, не находя того, кто мог бы согреть ее.

Дэннис ушел, детка, и сделал это неспроста – кто сможет терпеть твое присутствие старая миссис?

Твой мир – застывшие хлопоты. Ты была молода, когда никто еще не думал, что будет война. Сейчас, на склоне лет, все твои забавы – пустые желания.

Твоя похоть, детка, не знает границ – ты старая леди, что пытается обогнать свою старость. Мир вокруг тебя – он смеется над тобой, над твоими попытками обуздать его.

Слушай же Шелли, слушай:

Ты мчала навстречу солнцу, а парень справа, слушал радио, даже не думая о том, что будет ночью. Он стягивал одежду, а ты застывала под плотным одеялом, пытаясь ощутить его тепло – он был рядом, он был в тебе, недолго, но достаточно для того, чтобы старая миссис стала немного счастливей.

Это было частью того волшебства, что подарила судьба – ты считала дни, пускай каждый из них стоил целую сотню. Деньги – это способ решать проблемы, не так ли Шелли?

(И не более того)

Он был с тобой длинными ночами, и его руки ласкали твое тело, забираясь туда, куда не забирался твой муж, Роджер, с тех самых пор, как черный лимузин с надписью «Молодожены» отъехал от церкви, ты помнишь эти дни, как же – все казалось таким настоящим, и только теперь, лежа в воде, ты собираешь ушедшие мгновения, пытаясь найти саму себя...

Мир в твоём сердце – о, он меньше горошины, с тех самых пор, как ТОТ парень покинул тебя, Шелли.

Так признайся самой себе:

Он – это лучшее, что было с тобой.

Он – частичка судьбы, твоей судьбы, Шелли, как ни крути. Паренек в застиранных джинсах – в его глазах вечная весна, а его руки творят чудеса.

О, Шелли – старина Боб напоеет о том, чего нет, но станет ли от этого лучше?

Когда все было так, как должно было быть...

Когда весь мир был у твоих ног –

Только тогда ты могла добыть

Ключи от сотен дорог!

(Подумай об этом, детка!)

Мир в твоём сердце огромен - он словно свет огромной луны. Тереби душу, смотри вдаль, не ограничивай желания. Быть может, иногда мы способны заглянуть за грань, как это делают избранные...

Нет, женщина, не плачь

Я верю, все пройдет

И ночь без сна, и время неудач...

О, все пройдет...

Шелли вылезла из ванны, прошлепала по холодному полу, оставляя мокрые следы. Боб Марли продолжал петь, и каждое слово оставалось в ее сердце.

Она укуталась в полотенце, пытаясь согреться. Лыдинка в груди не думала таять, и ее мир становился похожим на огромный холодный кристалл.

Среди тех друзей, что мы потеряли,
Среди тех, кого мы нашли -
Было много хороших людей на нашем пути.

Мир менялся на глазах – Шелли Брукс поняла это однажды, в номере отеля «Оверлук». Из обычного, деловито-суетливого он стал волшебным. В нем было много чего – только теперь Шелли поняла, что может кое-что менять в этом новом мире. Достаточно было привнести немного волшебства, что она и собиралась сделать.

«Оверлук» затаил дыхание – постоялица номера «217» не собиралась отступать от задуманного. Шелли Брукс подошла к тумбочке. Сумка лежала на месте – Шелли не глядя, засунула руку, пытаясь найти то, что помогло бы ей.

Нет, женщина не плачь –
Все будет так, как ты захочешь...
И счастье озарит твой мир
И днем, и долгой ночью...

Шелли Брукс вытащила упаковку «Амитала», усмехнулась самой себе. Голубой бархат способен отправить на небеса, нужно только правильно рассчитать дозу.

(О, Шелли, детка, надеюсь, ты не собралась совершить какую-нибудь глупость?)

- Именно так! – Пробормотала Шелли.

Она выдавила капсулы на ладонь – смерть в желатиновой оболочке. Стоит только отдаться на волю судьбы и мир повернется обратной стороной.

(Нет, женщина не плачь!)

Шелли вытерла слезы.

Она не будет плакать сейчас.

(Когда Дэннис ушел из ее мира)

Просто...

(Пришло время сбросить маски!)

... она немного растеряна, сбита с толку.

- Иисус любит тебя, детка – произнесла Шелли, и закинула капсулы в рот.

Он любит всех нас, Шелли, так что не стоит огорчаться – поверь, тот мир, что ждет тебя – он лучше разных небылиц. В нем свет и любовь, и там Шелли, ты будешь вечно молода.

Мир, в котором не будет тревог

Мир, в котором сотни дорог – он твой Шелли. Сожми руки на бортике ванны – погрузись в теплую воду. Он будет с тобой, прибудет в тебе, останется в сердце тысячей дней, что вы проведете вместе.

- *Иисус любит нас – Дэннис вскинул руки, приветствуя солнце, что стояло над горизонтом, где-то в конце пути.*

Шелли Брукс улыбнулась краем губ. Она не сводила глаз с дороги – та расстелилась впереди огромной темной скатертью, и Шелли знала – отныне так будет навсегда:

Дорога, что зовет вдаль, и серебристый «Порш», что несется навстречу солнцу.

А еще она ощутила, как сердце наполняет долгожданный покой. Его было так много, что на миг Шелли поверила в счастье.

Славянск, октябрь 2008.